

УДК: 94 (47)

DOI: 10.25629/НС.2022.10.05

**«ВОТ УЖО СУЛИЛ КВАРТИРКУ В ЦЕНТРЕ КООПЕРАТИВ». ЖИЛИЩНЫЙ
ВОПРОС И ЖИЛИЩНАЯ КООПЕРАЦИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«КРОКОДИЛ» (1924–1937)**

Червяков Р. Ю.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация. На фоне жилищного кризиса, существовавшего в СССР в 1920–1930-е гг., большое значение имели не только реальные шаги власти по его урегулированию, но и его преподнесение в периодической печати. Журнал «Крокодил», ведущее сатирическое издание страны, активно освещал жилищную проблему, указывая на недостаточность строительства домов и их низкое качество, проблемы санитарно-гигиенического характера в старом жилье. В отношении жилищной кооперации, введённой для ликвидации кризиса, журнал формировал стереотипы о её «буржуазном» характере, проникновении в неё «бывших» и нэпманов, а также о неэффективности работы правлений кооперативов. При этом журнал избегал острой критики наркоматов и ведомств, ответственных за жилищное строительство.

Ключевые слова: жилищный вопрос, жилищная кооперация, журнал «Крокодил», советская сатира, ЖАКТ, ЖСКТ, управдом.

Жилищный вопрос занимал особое место в череде социальных проблем, возникших в послереволюционной России. 1920-е гг. стали временем тяжелейшего жилищного кризиса. Тяготы войн и революций негативно сказались на состоянии жилого фонда: оставленные без хозяйской руки и внимания коммунальных служб дома стремительно ветшали и разваливались. Строительство нового жилья, ввиду нехватки строительных материалов и зыбкости надежд на то, что новый дом не будет национализирован, было практически прекращено.

Тем временем потребность в квадратных метрах только нарастала. Численность населения с начала 1920-х гг. стала постепенно увеличиваться. Приведённые в движение бытовыми невзгодами массы людей искали лучшей жизни в городах. Восстановление промышленных мощностей в период нэпа и последовавшая за этим индустриализация страны притягивали в города новые рабочие руки, которые нужно было расселять. Главными центрами притяжения оставались Москва и Ленинград.

Ограниченность жилого фонда, плохие бытовые условия порождали социальную напряжённость, которая не могла не беспокоить партийные инстанции. Сводки ОГПУ о состоянии дел в стране, направляемые в ЦК РКП(б), фиксировали тревожное недовольство рабочих условиями проживания [31, с. 863, 889, 911, 934]. Жилищный вопрос негативно сказывался на уровне трудовой дисциплины, снижал производительность труда и, в конечном счёте, повышал уровень недовольства властью, создавал почву для «нездоровых настроений».

В мае 1924 г. состоялся XIII съезд РКП(б), на котором был поставлен вопрос о роли жилищной кооперации в решении жилищного вопроса. Она была признана «наилучшей формой... самостоятельности в изживании жилищной нужды трудящихся» [35, с. 669]. Действительно, кооперативные объединения жильцов, существовавшие до революции и продолжавшие существовать в первые послереволюционные годы, доказали свою эффективность в деле сохранения старого жилого фонда и возведении новых домов для своих членов на фоне общей жилищно-коммунальной разрухи.

Принятие в августе того же года совместного постановления ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации» [7, с. 480–488] дало гражданам возможность образовывать жилищно-строительные и жилищно-арендные кооперативные товарищества (общегражданские и рабочие ЖСКТ и ЖАКТы). Несмотря на декларируемый пролетарский характер, квартира в кооперативном доме стала синонимом богатой жизни, которая была доступна очень немногим. К 1928 г. удельный вес жилищкооперации в строительстве жилья достиг 23,2 %, но общая численность членов ЖСКТ составляла всего 257,6 тыс. человек или около 0,17 % жителей СССР [24, Л. 42]. Более впечатляющими были успехи жилищно-арендной кооперации: к 1928 г. было кооперировано 59,2 % муниципального фонда страны [24, Л. 44]. В стихотворении В. В. Маяковского «Идиллия» [20, с. 3] кооперативная «квартирка» преподносилась как атрибут мещанина, наравне с шипящим самоваром и тремя фарфоровыми слонами. Вплоть до ликвидации института жилищной кооперации в октябре 1937 г., когда вся полнота управления жилым фондом была передана окрепшим местным Советам, жилищные кооперативы оставались заметным явлением общественной жизни, объектом постоянного интереса власти и общества.

«Сердце женщины не может устоять против печати» [10, с. 4]

Проблемы, связанные с деятельностью жилищной кооперации, активно обсуждались на страницах газет и журналов. Оживление журнального дела после кризиса 1921–1923 гг. и постепенное оформление системы советской печати привели к тому, что на газеты и журналы, ставшие неотъемлемой частью повседневной жизни широких народных масс, была возложена роль авангарда в «великом наступлении партии на культурном фронте» [18, с. 79].

Особым примером партийной печати являются сатирические издания. Не в последнюю очередь это связано с той формой, в которой подавался материал. В статье «О характере наших газет» В. И. Ленин подчёркивал необходимость перенимать опыт работы буржуазных газет, которые активно использовали сатиру и юмор для клеймения своих идейных оппонентов. «Припомните, как великолепно травила она [буржуазия] в прессе ее классовых врагов, как издевалась над ними, как позорила их, как сживала их со света. А мы?» [16, с. 90]. В этом плане использование опыта сатириков, работавших до революции, в деле построения новой, социалистической прессы, рассматривалось как целесообразное. «Старая гвардия» сатириков была охотно принята на службу новой властью, составив костяк советской юмористической печати. В начале 1920-х гг. в стране издавалось великое множество сатирических изданий: «Лапотъ», «Бегемот», «Красный перец», «Смехач», «Заноза» и др. По мере усиления контроля над культурной жизнью к середине 1930-х гг. единственным сатирическим журналом союзного значения остался выпускавшийся с 1922 г. «Крокодил».

В первые десятилетия своего существования «Крокодил» отдавал предпочтение «внутренним» темам, уделяя сатире на события международной жизни заметно меньшее место. В 1928 г., после принятия постановления «О сатирических журналах» [33, с. 59–60], именно «Крокодил», с подачи заместителя заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) С. Б. Ингулова, был избран на роль ведущего сатирического издания страны, ориентированного на «политически зрелые слои рабочих» [33, с. 56–59]. В череде внутренних проблем жилищный вопрос и жилищная кооперация занимали заметное место. В период 1924–1937 гг. на страницах «Крокодила» было опубликовано около двух сотен рисунков, посвящённых жилищной проблеме, в среднем по 15 рисунков ежегодно.

Рассмотрим наиболее распространённые сюжеты, связанные с деятельностью жилищной кооперации, и обратим внимание на то, в каком русле те или иные проблемы преподносились в журнале.

«Плати сто лет, а квартиры нет»

Таким названием, по мнению составителей юмористической памятки для желающих публиковаться в «Крокодиле», в которой на деле были перечислены самые избитые темы, должен сопровождаться фельетон о жилищно-строительном кооперативе [15, с. 6]. Срыв графиков в немалой степени был связан с недостатком строительных материалов и кредитов [22, Л. 43].

По оценкам Всесоюзного совета жилищной кооперации, в 1927 г. сумма отпускаемых Госпланом кредитов на кооперацию была занижена более чем в 3 раза (14 млн руб. вместо 42,9 млн руб.). Несмотря на это, сатира активно прорабатывала тему задержек в жилищном строительстве, не раскрывая всей глубины проблемы.

В основу сюжета многочисленных рисунков нередко были положены вполне реальные бытовые зарисовки. Так, на рисунке К. П. Рогова, состоящем из двух кадров, изображён мужчина, который, на первый взгляд, принимает тёплую ванную. Нетерпеливые соседи спрашивали, когда же он освободит ванную. На втором кадре видно, что жилец устроился в ванной основательно: столбик пара идёт не от воды, а от кастрюльки, которую жилец разогревал на примусе. Возмущённый, он отвечает стоящим за дверью: «Когда жилкооп дом построит и мне другую квартиру даст!» [25, с. 3]. Сохранилось множество свидетельств того, что в условиях жилищного кризиса люди были вынуждены жить не только в ванных комнатах, но и на кухнях, чердаках, под лестницами. Так что шутка была более чем серьёзной.

Целая серия рисунков, посвящённых задержкам в жилищном строительстве, принадлежит карандашу Ю. А. Ганфа. Его героев – молодожёнов, мёрзнувших на лавочке при свете луны [4, с. 12], греющихся у костра домовых [3, с. 12] и др. – объединяет одно: они не могут въехать в новый дом. На другом рисунке того же автора дедушка подарил новорожденному внуку членскую книжку жилстроительного кооператива «Московское объединение». По замыслу старика, ко времени женитьбы внук должен был бы получить квартиру, в противном случае он советовал малышу завещать её своему правнуку [6, с. 6].

«Ни окон, ни дверей, полны комнаты людей» [26, с. 3]

Другим бичом жилищного строительства, производным от недостатка стройматериалов, называлось низкое качество построек. Как писали авторы упомянутой выше памятки: «Очень интересен такой сюжет: кто-то чихнул и дом разрушился» [15, с. 6]. Действительно, рисунков, посвящённых разваливающимся стенам [34, с. 12], падающим крышам [5, с. 8], проваливающимся полам [21, с. 7], было напечатано немало. Поводом для усмешки служило и состояние жилищно-коммунального хозяйства, в частности отопления. Используя реплику, вложенную А. С. Грибоедовым в уста вольнодумца Чацкого, юмористы «Крокодила» характеризовали попытку ЖАКТов наладить отопительную систему в доме: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете!» [14, с. 14]. На рисунке Б. Б. Малаховского члены кооператива согреваются в помещении, поднимая и опуская руки на общем собрании [19, с. 7].

Как и в первом случае, журнал избегал ставить острые вопросы о причинах коммунального упадка, ограничиваясь публикацией забавных и местами остроумных рисунков, в которых антигероями выступали председатели правлений и управдомы.

«Правление дискредитировало себя», –

фраза, вложенная сценаристами кинофильма «Гараж» в уста профессора Смирновского, типажа 1970-х гг., звучала бы вполне актуально и в 1920-е гг. Квартирный вопрос, испортивший москвичей, в первую очередь, по мнению крокодилцев, отравил души членов правления.

В чем заключалась моральная уязвимость правления? Согласно типовому уставу жилкоопа, вся полнота управления домом лежала на общем собрании членов кооператива. В перерывах между собраниями управление кооперативом осуществляло избираемое из числа пайщиков правление. На практике власть правления и его председателя была практически безграничной. В какой-то момент перед жилкоопами даже был поставлен вопрос о легализации единоличного правления в кооперативах [23, Л. 115].

В шуточной энциклопедии «Крокодила» нечистоплотность работы правления оказалась выведена на первый план: «Жилтоварищество. – Товарищество, основанное не столько на паях, сколько на доверии, которое нарушается. Члены жилтоварищества не пользуются ничем (ничем им пользоваться), но члены правления жилтоварищества могут и пользоваться ... например, вышеупомянутым доверием». Желаящим всё же вселиться в новую квартиру пайщикам журнал советовал пройти в правление кооператива или ревизионную комиссию [11, с. 4]. Тот же совет адресовался тем, кто хочет дожидаться очереди на ремонт квартиры [13, с. 13].

Сатира «Крокодила» недвусмысленно намекала, что основная проблема жилищно-строительной кооперации заложена на уровне правления. Неэффективность работы правлений ЖАКТов высмеяна на рисунке Б. Антоновского следующим образом. В первом кадре рисунка мы видим заседающих людей, сидящих на первом этаже обшарпанного трехэтажного дома. Подрисуночная подпись сообщает: «Осенью правление жакта вплотную приступило к обсуждению вопроса о ремонте дома...». На втором кадре изображен тот же дом зимой: стены покосились, водосточная труба начала разваливаться, заседающие продолжают что-то обсуждать на первом этаже. Подпись поясняет: «Зимой наметился “перелом”». Третий кадр: второй и третий этажи дома падают, правление заседает. Подпись: «Весной наметился сдвиг...». На четвертой части рисунка мы видим полностью развалившийся дом, невредимым остался лишь зал заседания правления. Обсуждение вопроса о ремонте дома продолжается [1, с. 7].

Для решения проблем с задержками ремонта и строительства, выселением членов кооператива из приобретённых квартир, – утверждает журнал, – необходимо усилить контроль над правлениями. А с контролем, по мнению журнала, были большие проблемы. Главная трудность заключалась в том, что сами жильцы весьма неохотно соглашались работать в правлении ЖАКТов. В фельетоне популярного в те годы сатирика В. Е. Ардова «Несправедливость» управдом жалуется своему товарищу по пивной: «На собрание и то никого не созовешь. Главное, в доме живут партийцы. Ответственные. Активисты у себя там, на работе. А станешь их звать на собрание – никто не идет. Прячутся. В ванной отсиживаются, когда я прихожу» [2, с. 8]. Если такая критика раздавалась в адрес партийных, то что уж говорить о беспартийных?

В 1936 г. в «Крокодиле» был опубликован фельетон «Выборы кошевого», в основу которого был положен протокол заседания одного московского жилтоварищества, на котором рассматривался вопрос о выборах председателя. В ходе выдвижения каждый кандидат брал самоотвод, ссылаясь на проблемы со здоровьем, занятость и т. д. Когда же очередь дошла до последнего жильца дома, у которого не было весомых причин отказаться, собрание стала избирать его против его же воли. Эту психологическую коллизия фельетонист Г. Е. Рыклин объяснил так: «Напрасно подвергаемый почестям старается доказать, что такие выборы в корне противоречат принципам советской демократии... Каждый из присутствующих думает об одном: “Если не он, то я”. От одной этой мысли человек звереет и не своим голосом кричит:

– Уважаем! Любим! Голосовать!» [29, с. 5].

Нежелание вылавливать членов кооператива по ванным комнатам и разбираться с бытовыми неурядицами жильцов вполне объяснимо. Управдом — должность «расстрельная», всегда есть недовольные его работой. Не оставался в стороне и «Крокодил», со страниц которого на управдомов сыпались колкости и остроты: то герои заметки задаются вопросом, можно ли держать его за человека [12, с. 10], то едкий художник сравнит его крик с собачьим лаем [32, с. 4].

Таким образом, советская сатира формировала представление, что главная проблема жилищной кооперации заключается в нерадивом отношении жильцов (в первую очередь рабочих) к исполнению своих обязанностей, нежелании брать ответственность на себя. По-человечески можно понять причину, по которой пролетариат неохотно включался в деятельность кооператива. После смены на фабрике и толкучке в очередях за продуктами желание организовывать «красные уголки» и разучивать стихи для домовых представлений резко снижается. Однако подобная постановка вопроса в официальном государственном издании была невозможна.

«Этих дьячков, этих божьих сестриц, этих бывших приставов к чорту надо выкинуть из наших ленинградских домов, из домов пролетарской столицы...» [37, Л. 5]

Одним из важнейших препятствий в деле развития жилищной кооперации, по мнению партийных и хозяйственных органов, являлось «проникновение» в неё «непролетарских элементов». На практике же именно этот элемент заложил её основы. «Бывшие» (представители царской власти, священнослужители, купцы и др.), нередко являвшиеся бывшими домовладельцами, составляли костяк проживавших в кооперативных домах, тогда как пролетариат въезжал в квартиры выселенных или уплотнённых старых жильцов. Несмотря на законодательные запреты принимать в ЖАКТы «бывших», эта норма не всегда соблюдалась. В некоторых случаях

нарушения, по мнению партийных инстанций, были просто вопиющими. Так, например, в 1930 г. в Ленинграде одно из правлений ЖАКТА составляли «старый» инженер, доктор, управдом из бывших приставов и рабочий, игравший роль прикрытия [37, Л. 4].

Сатирически этот сюжет преподнесён на рисунке К. П. Ротова «Политграмотный». Композиция его такова: богато обставленная комната, хозяин которой уютно устроился в кресле, положив ноги на маленькую подушечку, на его коленях спит кошка. Хозяйка комнаты сидит за пианино и вглядывается в ноты. Помимо музыкального инструмента, буржуазность обстановки подчёркивают многочисленные картины и статуэтки, а также массивные гардины, украшающие не только окно, но и входную дверь. Платой за уют может быть только абсолютная лояльность власти, степень которой отражается в реплике хозяина, помещённой в подрисуночной подписи: «Кажется председатель жилтоварищества идёт. Сыграй, Мусенька, Интернационал. Смотри, не ошибись только: третий, а не второй...» [28, с. 13].

Причина такого положения, по мнению официальной сатиры, заключалась в политической «близорукости» членов кооперативов. Их попустительство способствует тому, что подобные типы проникают в жилтоварищества. Наиболее ярко этот типаж преподнесён в фельетоне Г. Е. Рыклина «Господа Мухоморы». В нём автор изобразил тип изворотливых дельцов, сумевших обеспечить своё благополучие и в годы нэпа, и в эпоху «великого перелома». Чужа, куда дует ветер перемен, супруга Мухоморова каждый раз давала ему указания относительно того, как нужно одеваться и вести себя. И каждый раз её супруг оказывался на нужных должностях, получал хорошие командировки. Она же, сумев втереться в доверие к простодушным соседям, была избрана в правление ЖАКТа, что позволило ей добиться ордера на новую квартиру. Завершая фельетон, автор патетически восклицает, что Мухоморы всегда живут там, где рядом с ними «близорукие, неумные люди» [30, с. 9]. Типаж Мухоморовых легко узнаётся и на рисунке М. Ч. (один из псевдонимов М. М. Черемныха), на котором изображена пара нэпманов, которая обсуждает мнение рабоче-крестьянской инспекции, что в их рабочем кооперативе нет ни одного рабочего. Один из нэпманов с неудовольствием замечает: «Что ж удивительного? Рабочие уже ушли: постройка закончена» [17, с. 3].

Но не только нэпманы (или советская буржуазия – совбуры) воплощали отрицательный типаж жилкооператора. Критика «Крокодила» была направлена и против злоупотреблявших своим положением «ответственных работников». Так, художник К. Ротов изобразил для читателей журнала первое в мире жилтоварищество в виде... Ноева ковчега, на котором, в соответствии с библейским повествованием, каждому живому существу полагалось по паре. Председатель ЖАКТА № 1 Ной выслушивал жалобу Осла, которого, по-видимому, ввиду отсутствия пары, были намерены лишить излишков жилой площади. Осёл, одетый во френч и кепку, придерживая за пазухой портфель, заявлял, что он ответственный работник, имеет дюжину удостоверений и на том основании не может быть подвержен уплотнению [27, с. 9].

В поле критики попадали не только абстрактные «ослы». На «боевой карандаш» журнала к середине 1930-х гг. стали попадать работники прокуратуры [36], судьи [8], члены райсоветов [9, с. 12]. В свете объявления, что в 1936 г. социализм в СССР построен «в основном», борьба с прегрешениями руководителей среднего звена приобретала новое звучание. Таким образом, жилищная проблема стала преподноситься не только с точки зрения недостатков строительства, но и как поле для злоупотреблений совслужащих.

Смех «Крокодила» позволял сглаживать острые углы жилищного вопроса. Переноса его тяжесть с запутанной и во многом забюрократизированной системы жилищного строительства на огрехи и промахи отдельных лиц, журнал пытался облегчить отношение читателей к нехватке квадратных метров в городах. Жилищная кооперация преподносилась как поле, на котором действовали изворотливые нэпманы и замаскированные «непролетарские элементы» при молчаливом согласии большинства жильцов. Такая постановка вопроса, укоренившаяся не только в сатире, подготавливала к сворачиванию института кооперации и постепенному огосударствлению жилищного строительства в 1937 г.

Библиография

1. Антоновский Б. И. Заседание продолжается... // Крокодил. 1934. № 19.
2. Ардов В. Е. Несправедливость // Крокодил. 1935. № 19.
3. Ганф Ю. А. Бездомные // Крокодил. 1927. № 44.
4. Он же. Не верь глазам своим // Крокодил. 1927. № 39.
5. Он же. Неосторожный // Крокодил. 1926. № 33.
6. Он же. Старик всё учел // Крокодил. 1932. № 24.
7. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. В 4 т. Т. I. М., 1957. 880 с.
8. Дорогой Крокодил! // Крокодил. 1936. № 25. С. 15; Ленч Л. С. Непобедимая корова // Крокодил. 1936. № 27. С. 9.
9. Дорогой Крокодил! // Крокодил. 1936. № 35.
10. Зощенко М. М. Сердца трёх // Крокодил. 1937. № 24.
11. Ипа. Мысли вслух // Крокодил. 1930. № 13.
12. Кавычки // Крокодил. 1936. № 26.
13. Карбовская В. А. Прохожий и маляр // Крокодил. 1937. № 23.
14. Классики о городском хозяйстве // Крокодил. 1931. № 20.
15. Лебедев-Кумач В. Каждый сам себе юморист-сатирик! // Крокодил. 1929. № 3.
16. Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 50 т. Т. 37. М., 1969. 748 с.
17. М. Ч. Надо удивляться // Крокодил. 1928. № 32.
18. Максимов А. А. Советская журналистика 20-х годов. Краткий очерк журнальной периодики. Л., 1964. 152 с.
19. Малаховский Б. Б. Самоутепление // Крокодил. 1934. № 32–33.
20. Маяковский В. В. Идиллия // Крокодил. 1928. № 35.
21. Радлов Н. Э. В конторе жакта // Крокодил. 1933. № 22.
22. РГАЭ. Ф. 7754. Оп. 1. Д. 3.
23. РГАЭ. Ф. 7754. Оп. 1. Д. 5.
24. РГАЭ. Ф. 7754. Оп. 1. Д. 9.
25. Ротов К. П. Ваньный житель. // Крокодил. 1927. № 27.
26. Он же. Дом жилкоопа // Крокодил. 1926. № 30.
27. Он же. Заседание первого в мире жилищного товарищества // Крокодил. 1926. № 15.
28. Он же. Политграмотный // Крокодил. 1925. № 16.
29. Рыклин Г. Е. Выборы кошевого // Крокодил. 1936. № 20.
30. Он же. Супруги Мухоморовы // Крокодил. 1935. № 19.
31. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 1. В 2 ч. 1922–1923 гг. Ч. 2. М., 2001. 630 с.
32. Сойфертис Л. В. Без названия // Крокодил. 1937. № 21.
33. «Счастье литературы». Государство и писатели, 1925–1938. Документы. М., 1997. 318 с.
34. Топиков А. У зеркала // Крокодил. 1931. № 27.
35. Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. 23–31 мая 1924. М., 1924. 765 с.
36. Финк В. Симферопольские прокуроры // Крокодил. 1936. № 23. С. 10; Обухов требует официально // Крокодил. 1937. № 32. С. 10; Жестокие нравы // Крокодил. 1936. № 36. С. 15.
37. ЦГАИПД СПб. Ф. 2483. Оп. 1. Д. 10.

**"HERE'S A PROMISE OF A FLAT IN THE CENTRE OF THE CO-OPERATIVE".
THE HOUSING QUESTION AND HOUSING CO-OPERATION IN THE PAGES
OF CROCODILE (1924–1937)**

Chervyakov R. Yu.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. Against the background of the housing crisis that existed in the USSR in the 1920s and 1930s, of great importance were not only the real steps taken by the authorities to resolve it, but also its presentation in the periodical press. Crocodile magazine, the country's leading satirical publication, actively covered the housing problem, pointing out the insufficient construction of houses and their low quality, sanitary and hygienic problems in old housing, and criticized the middle and lower levels of administration for this. With regard to housing co-operatives, introduced to eliminate the crisis, the magazine stereotyped their "bourgeois" nature, the infiltration of "former" and neupmans into them, and the ineffective work of the co-operative boards. At the same time, the magazine avoided harsh criticism of the People's Commissariat and the ministries.

Keywords: housing problem, housing cooperation, "Crocodile" magazine, Soviet satire, ZHAKT, ZHKT, manager.